

0102.64

„ГОРЬКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

- 1 ФЕВ 1964

г. Горький

Валачев Глеб

Реплика

Заслуженное неуважение

ЛЮБЯТ сормовичи искусство. Ценят сормовичи актеров за радость и удовольствие, которое они им приносят. С особой симпатией относятся к любимым популярным деятелям сцены и экрана.

Вот почему не залежались билеты в кассе Дворца культуры, когда яркие афиши объявили о концерте давно знакомого артиста кино Глеба Романова.

И в этот вечер тысяча триста зрителей, не испугавшись лютой стужи, спешили на встречу с исполнителем разных ролей в разных фильмах. В первом отделении концерта приняли участие артисты Московской эстрады. Им собравшиеся в зале должным образом аплодировали, но — чего греха таить — думали: когда же выйдет на сцену Романов? Думали и ждали.

И дождались...

Прежде всего бросилась в глаза его походка. «Как странно ходит», — думали одни, а другие, искушенные в глубинах творчества этого актера, решили: «Будет петь о морской стихии. Вот почему такая походка. В образ вошел. Здорово!»

Но только лишь «сын моря» начал за-

плетающимся языком один из своих монологов, который состоял... даже трудно передать, из чего он состоял, — все 1300 сормовичей поняли, что их любимец, трепетно ожидая встречи, решил, очевидно, для «вдохновения» и для «храбрости» воздать должное богу вина Бахусу. По видимому, с первого приема храбрость упорно не шла в душу деятеля сцены. Нужно было повторять еще.

И еще.

И...

Монолог явно не получался. Тогда актер решил играть на гармошке. А как будешь играть, если какая-то нечистая сила тычет тяжелые пальцы совсем не туда, куда надо.

Обиженные, удивленные сидели сормовичи. Сгорая со стыда за актера, они сначала (дань гостеприимству!) даже пытались не заметить «сверхоригинального» жанра гостя. Но когда увидели, что Романов уж так ярко, красочно и натурально иллюстрирует слова песни, которую он когда-то пел: «Танцевать я совсем не

могу, спотыкаюсь на каждом шагу...» — то горькая досада пришла в зал.

Тщетными оказались усилия администратора бригады т. Янкилевича «спасти положение». Пришлось собственноручно закрыть занавес. Но актер не унимался. Он вырвался на авансцену. «Хочу говорить с народом! Меня любят!» И лишь две руки руководителя группы, утаившие Романова за кулисы, помешали «народному любимцу» пленять своим искусством свет.

А потом — дружное возмущение всего зала, милиционер, усаживающий совсем «уставшего» киноактера в машину, следующую курсом в гостиницу.

Уезжать, прячась, с черного хода! А ведь мог бы Глеб Романов, как и все актеры, которым дорого это имя, уходить из Дворца через главный подъезд и слышать на прощанье добрые слова и аплодисменты зрителей.

Увы! Не добрыми словами поминают теперь этого деятеля сцены сормовичи.

В. ПОЛОНСКИЙ.

222